

1.2. Концепт гражданина в российской политической культуре

Жизнь термина, слова, понятия в языке и культуре действительно выступает в качестве ключа к пониманию каждого многозначного и многослойного концепта, к каковым, безусловно, относится и «гражданин». Поэтому без семиотического подхода в целом и без исследования этимологии данного слова в частности, понять роль самого явления невозможно. Учитывая глубокую связь между явлением и словом, его выражающим, важно пристальнее взглянуть в само слово «гражданин» и ряд его синонимов. Работали ли российская история и теория над феноменом и понятием гражданина так, как это происходило в Западной Европе? Какова собственная эволюция термина «гражданин» в контексте русского языка и культуры?

Культура в соответствии с семиотическим подходом понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Концепт и понятие – термины разных наук, близкие по исходной внутренней форме, общее поле их значений – «поятие, зачатие, схватывание в собственность». В отличие от понятия концепт несет в себе безобъемный, «чистый» смысл слова. В виде концепта культура входит в ментальный мир человека и, наоборот, посредством него ментальность обычного человека включается в культуру. В концепте существует три слоя признаков: 1) основной, актуальный; 2) дополнительный, пассивный, исторический; 3) неосознаваемая внутренняя форма, запечатленная во внешней словесной форме [Степанов 2001: 47]. Разные слои концепта обладают различной степенью реальности для людей данной культуры. Основной признак концепта «читается» всеми «пользователями» языка данной культуры. В дополнительных признаках концепт актуален лишь для некоторых социальных групп. Внутренняя форма концепта открывается только исследователям, но для «пользователей» данного языка этот слой существует как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений. В коллективном сознании и представлениях, фиксируемых концептами, существуют сознательный и бессознательный слои. Описания концептов как духовных ценностей – это описание ментальной действительности.

Понятие «гражданин» в современной российской политической культуре – одно из множества заимствованных из европейской политической теории и практики понятий, таких как «политика», «цивилизация», «гражданское общество» и т. п. Частое употребление и кажущаяся ясность этих понятий не свидетельствует о сохранении в русской версии исходных генотипов этих слов, не говорит о понимании их многозначности и содержательного богатства. Необходима серьезная работа по демифологизации

и рационализации заимствованных слов, поскольку, как утверждает М. В. Ильин, «в большинстве случаев ни о какой эквивалентности отечественных версий исходным не может даже идти и речи» [Ильин 1997: 37]. Важно критически осмыслить исторически меняющиеся значения и смыслы слов.

Анализ понятия *гражданин* как концепта западноевропейской культуры приводит к выводу о существовании в его содержании нескольких смысловых полей. Развиваясь параллельно, эти разные значения исторически образовали несколько концептуальных уровней данного понятия, сохранившихся до настоящего времени, но подвергнувшихся значительной теоретической разработке. Единство этих аспектов – это генетически исходный пласт содержания понятия, смысловое ядро, единство многообразного, начало, из которого впоследствии развивалась целая система самостоятельных категорий культуры. Античность дала первые дошедшие до нас попытки концептуализации данных феноменов. В последующем, в результате рефлексии и рационализации процессов усложнения и внутренней специализации самих феноменов города, государства, цивилизации, произошла дифференциация исходного единства аспектов понятия и явления. В историческом процессе концептуализации понятий можно выделить этапы их соотношения и смысловой дифференциации. Это многоуровневый процесс, состоящий из множества внутренних процессов и внешних взаимодействий.

Начальный этап – недифференцированное отношение явлений и понятий, образующих исходную систему координат: город – городская община – государство – право граждан города-государства – цивилизованность (качество сообщества граждан) – религиозно-этическая культура граждан – этническая общность. Город – место, где сосредоточено цивилизованное человечество, где действуют наилучшие религиозные, этические и правовые нормы, формирующие определенное качество (добродетели) каждого члена этой общности. Второй этап дает эпоха средневековья. Эти же понятия прорабатываются с христианских позиций Аврелием Августином, схоластами, Фомой Аквинским. Понятия начинают включать в себя внутренние оппозиции, противопоставление истинных христианских общностей неистинным: «Небесного Града» – «Земному», братской общности первых христиан – земные общества, Телу Христову Церкви Вселенской (общности верующих) – разделенность и враждебность мирских властей. Третий крупный этап концептуализации представляет Новое время. Здесь происходит окончательное отделение концептов друг от друга при сохранении исходного родства. Понятия

наполняются и дополнительными значениями, привносимыми творческой конкретно-исторической практикой людей.

Итак, исходную систему координат концепта *гражданин* образуют следующие аспекты его содержания, выступающие как соотношения с концептами: 1. *гражданин* – «город»; 2. *гражданин* – «городская община» (которое впоследствии даст понятие «общество, гражданское общество»); 3. *гражданин* – то, что к XVIII в. станет концептом «цивилизация»; 4. *гражданин* – «государство»; 5. *гражданин* – «право»; 6. *гражданин* – «религия», «мораль»; 7. *гражданин* – «этнос» («нация»). Мы сконцентрируем внимание на исходной и фундаментальной для всех этих понятий взаимосвязи понятия *гражданин* с понятием *город*.

Современное понимание феномена гражданина в Западной Европе восходит к античности. Античный гражданин – житель полиса, обладающий определенными правами и обязанностями публичного и частного характера. Слово «гражданин» (*polites* (*греч.*), *civis* (*лат.*)) генетически связано со словом «город» (*polis* (*греч.*), *civitas* (*лат.*)). *Polis* (*civitas*) – означает одновременно и город, и государство, это город, имеющий публичные, государственно организованные власть и управление, это и совокупность граждан (городская община). Латинский вариант слова включает еще и значение «права римского гражданства». Смысловым ядром понятия «гражданин» является членство в городской общине, осуществляющей публичную власть, или «участие в господстве» (Аристотель). Здесь совпадают значения *город* – *городская община* (прообраз гражданского общества) – *государство* (точнее, государственность, или протогосударство) – *цивизованность* (прообраз цивилизации). Подчеркнем признак «градскости» – и общества (общины), и отдельного человека. «Градскость» связана с целым комплексом явлений и понятий: включенностью индивида в плотные социальные связи города, причастностью к кругу «своих» – общине равных между собой граждан, с участием гражданина в публично осуществляемом им управлении городом. Это еще и прообраз государственности, и первая система права, и этос градскости-гражданственности-цивизованности. Эти признаки относятся и к отдельному индивиду, и к городской общине.

Город – пространство существования права. Наличие права – чрезвычайно важный признак и градскости, и государственности, и цивилизованности, и гражданина как главного субъекта права. Греческая афинская и римская правовые системы в их классическом виде основаны на понятии «гражданин». Гражданином в Афинах считался свободный человек, имеющий право избирать и быть избранным. По Аристотелю, понятие «гражданин» определяется участием в судебной и

государственной власти. Это политическое понимание гражданина, на нем базируется понятие демократии в Афинах. В Риме гражданин юридически определяется через право вступать в брак, завещать и наследовать имущество. Свободного гражданина Рима из плебея делает комплекс гражданских прав, политический статус гражданина произведен от его частнопроводного статуса. Сущностная связь гражданина и города проявляется и в последующей европейской истории. Данное смысловое ядро лежит в основе образования целого ряда системообразующих для философии понятий: цивилизации, государственного устройства, политики, политической системы, нации и т. д. Эта исходная, многоаспектная связь гражданина и города нас интересует применительно к российскому обществу. Является ли понятие гражданина константой русской культуры?

Русское слово *гражданин* имеет сложную и неоднозначную историю. Оно наполнено значениями, идущими из разных исторических эпох и традиций, и *Гражданин* – русское слово, имеющее общеславянские корни. Однако последующая его история связана с рядом наслоений, появившихся в результате заимствований значений европейских слов-аналогов. Эти дополнительные значения и смыслы оказывались неким искусственным смысловым довеском, не имевшим в русской социальной и политической практике (за исключением городов-государств XI–XIV вв. – Новгорода, Пскова, ряда других) тех познавательно-метафорических истоков, семантической наполненности и истории, какие они имели в европейских версиях. Поэтому преждевременно ставить знак эквивалентности между русским словом *гражданин* с одной стороны – и европейскими *civis* (лат.), *citizen* (англ.), *burger* (нем.) и *citoyen* (франц.).

М. Фасмер установил, что слово *гражданин* пришло из церковнославянского языка, где оно образовано от слова *градъ* («город»), и является калькой греческого *πολίτης*, а исконнорусским считает слово *горожанин* [Фасмер 1996: I, 451]. Сходную этимологию дают Н. М. Шанский и Т. А. Боброва, подчеркивая буквальное значение данного слова – «житель города» – и современное значение, отсчитывая с эпохи А. Н. Радищева [Шанский, Боброва 1994: 62]. Словарь русского языка XI–XVII вв. дает ряд тождественных по смыслу слов: *гражанинь* (980 г.) – *гражданинь* – *гражданец*, которые соответствуют слову *горожанин*, употреблявшемуся в 1240 г. [Словарь... 1977: 95]. В XII в. встречается характеристика *гражданского* как городского и светского в отличие от духовного, церковного. В XIII–XV вв. прилагательное *гражданский* относилось к горожанам и городу в значении «городской и невоенный». Смысловый комплекс этого слова, исходя от *град*, утверждался вместе с церковнославянским влияни-

ем, затем произошло размежевание смыслового наполнения данного слова – церковного и светского, с одной стороны, и светского и военного – с другой.

В XV в. слово *гражданинъ* еще имеет хождение в религиозном варианте: гражданином именуют праведника, святого в следующих сочетаниях – «небесного града гражданин», «небесный гражданин» [Словарь... 1977: 117]. XVI веком датируется употребление слов *гражданство* (от *гражанин* – *гражанский*), подразумевающее «совокупность граждан, общество», и *градосоужительство*, означающее порядок в государстве, связанный с совместным проживанием людей в городах. Это автохтонная линия образования этого ряда понятий. Приведу цитату, из которой виден исторический контекст употребления слова *градосоужительство*. В послании Карпова митрополита Даниила говорится: «Милость безъ справды малодушьство есть, а правда безъ милости мучительство есть, и ена два разрушают царство и всяко градосоужительство» [цит. по: Словарь... 1977: 117]. Значит, порядок в государстве (царстве) и обществе (градосоужительстве, общежитии) держится на единстве милости (со стороны верховной власти) и правды (очевидно, близкой по смыслу к *справедливости*, о чем говорит слово *справда*). Но это лишь единичное представление о должном, это христианский идеал, а не реальность. В этом же словаре приводится значение слова *гражданство* – «гражданское устройство, порядок». Судя по цитате из Арифметики Магницкого (1703) – «И весь чин и гражданство узаконено, аще и естественно, но такожде от бга», – данный порядок для людей начала XVIII в. является не только государственным установлением, но божественным и естественным по происхождению. В этом представлении заметно европейское влияние. Здесь же мы встречаемся еще с одним значением гражданства как «обычаев добросклонностью и человекопочитательством», то есть пониманием его в нравственно-этическом смысле [Словарь... 1977: 117].

В итоге к XVIII в. на Руси встречались следующие значения слова *гражданин*: 1) горожанин (X в.); 2) светский, не духовного звания городской житель (XIII в.); 3) светский и не военный житель города (XV в.); 4) праведник, святой (XV в.); 5) человек, добровольно следующий обычаям и уважающий людей (нач. XVIII в.). Слово *гражанство* (XVI в.), образованное от слова *гражанин*, означало «совокупность граждан, общество», а слово *гражданство*, употребляемое в XVIII в., имело значение «гражданское устройство, порядок», имеющий естественное или божественное происхождение и узаконенный государством. Здесь видно историческое изменение и пересечение значений *гражданства* в качестве

совокупности граждан, общества, и в качестве порядка взаимного расположения граждан, исходящего от Бога, но закрепленного в законах государства. Так, русский язык вслед за европейскими языками фиксирует неоднозначную, но тесную связь общества и государства. Гражданин здесь – точка их соприкосновения и образования, поскольку он одновременно является и членом общества, и человеком, занимающим определенное место в устройстве граждан, порядке чинов и гражданства, закрепленном законами, то есть в государственном устройстве. Но это лишь один из вариантов языковой практики, связанный с заимствованиями.

Характер феномена гражданина существенно зависит от способа формирования государства. Западноевропейский путь формирования государства – взаимодействие королевской власти и общества (городских самоуправляющихся общин). Другой вариант – когда верховная власть в одностороннем порядке, путем насилия выстраивает систему и режим управления, инициирует характер отношения подданных к ней самой и между собой. Горизонтальные связи между людьми эта власть стремится замкнуть на себя, стать посредником во всех (по возможности) взаимоотношениях людей, и действительно становится абсолютной. Язык четко фиксирует источник инициативы, ресурсы и характер сторон (горожан и верховной власти, или общества и государства) – инициирующую и страдательную. В. И. Даль при характеристике исторических форм дореволюционного гражданства, таких как *именитый гражданин*, *почетный гражданин* и тому подобное, применяет следующие причастия: *приписанный* («гражданином известного города называют приписанного к этому городу купца, мещанина или цехового»), *даруемое*, *жалуемое* звание [Даль 1998: I, 962]. В этом видно отличие русского слова *гражданин* от европейских аналогов – отсутствие значения самостоятельности, автономии, свободы воли.

В XVIII в. появляются новые слова для именованя горожан. При Петре I в 1721 г. городское население было разделено на две гильдии «первостатейных» и «регулярных» граждан. Первая гильдия «от другого подлого гражданства привилегиями и преимуществами суть отличена», ее составляли банкиры, «знатные купцы», представители либеральных профессий, высококвалифицированные ремесленники. Вторую составляли мелкие торговцы и «рукомесленники». Остальное население – «подлые люди» (чернорабочие) – в состав «регулярных граждан» не входило. В результате выстраивалась иерархия вертикального подчинения, установленного верховной государственной властью. В этой вертикали статус граждан не предполагал политических прав. Граждане здесь –

исключительно горожане, наделяемые правительством некоторыми экономическими привилегиями, горожане как жители, а не как члены городской общины. Это была иерархия подданства, включающая городское гражданство.

«Грамота на права и выгоды городов Российской империи» от 21 апреля 1785 г. учреждала новый порядок в общественном управлении городов и определяла права различных классов городских обывателей. Под *городскими обывателями* подразумевались «все те, кои в том городе или старожилы, или родились, или поселились, или дома, или иное строение или места, или землю имеют, или в гильдии или в цехи записаны, или службу городскую отправляли, или в оклад записаны и по тому городу носят службу или тягость». *Настоящими городскими обывателями* объявлялись владельцы недвижимой собственности в городе. Каждый город должен был иметь городскую обывательскую книгу, в первую из шести частей которой и вписывались настоящие городские обыватели – все жители, имевшие в данном городе недвижимость, без различия происхождения, звания, занятий и т. п. В законодательстве Екатерины II звание «настоящего обывателя» существенно отличается от звания «регулярного гражданина», введенного Петром I: главным принципом деления на «настоящих» и остальных обывателей становится владение недвижимостью. В пятую часть книги записывались *именитые граждане*³. Екатерина II указом от 15 февраля 1786 г. повелела подписывать прошения к ней не словом *раб*, а словом *верноподданный*. Просвещенная императрица, умудренная опытом управления российским государством и вполне усвоившая традиции русских царей, придала своим ранним либеральным замыслам интересный поворот, вполне согласный с практикой Петра I: не меняя реальности, изменить ее название. Традиция мифологического отождествления имени и предмета трансформировалась в общественном сознании в представление о том, что переименования достаточно для изменения самого предмета.

В 1797 г. Павел I издал высочайшее повеление «об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими». В списке изъятых –

---

³ В состав именитых граждан входили: 1) служившие по выборам в городских должностях, получившие звание степенных; 2) ученые академий и университетов; 3) художники с академическими свидетельствами; 4) капиталисты с объявленным капиталом от 50 и более тысяч; 5) банкиры с капиталом от 100 до 200 тысяч; 6) лица, занимающиеся оптовой торговлей; 7) судовладельцы. Городским обывателям каждого города было предоставлено право создания городского общества и избрания Общей городской думы из гласных (от всех разрядов городских обывателей) и городского головы. Общая городская дума избирала шестигласную городскую думу – по одному голосу от каждого разряда обывателей города, действующую под председательством городского головы.

слова французского происхождения, особо слова, близкие к революционному лексикону: *общество*, *граждане*, *отечество* и другие. Слово *общество* приказано «совсем не писать», а слово *граждане* предлагалось заменить словами *жители* или *обыватели*, что и было сделано в «Словаре Академии Российской» (1806) [Степанов 2001: 639]. Последующее официальное словоупотребление, особенно законодательство и цензура, вплоть до начала XX в. строго придерживалось этого повеления. В этом – причина занижения смысла слова *гражданин* и связанных с ним слов в общем употреблении на протяжении XIX в. Павел I изменил и устройство городского управления⁴.

Манифест Александра I от 1 января 1807 г. даровал купечеству новые преимущества: установлено новое звание первостатейных купцов, а с ним – право быть выбираемыми только в почетнейшие городские должности. С установлением нового звания почетных граждан (личных и потомственных) Николаем I в 1832 г. исчезли звания первостатейных купцов и именитых граждан. Звание именитых граждан просуществовало в России с 1785 по 1832 гг. для обозначения лиц свободных профессий и до 1807 г. для верхушки купечества. После этого выражения *именитый и степенный гражданин* стали исчезать.

Между тем в выражении *степенный гражданин* были слышны отголоски вечевых традиций Древней Руси. В Великом Новгороде удельных веков *степенью* называлось вечевое здание, располагавшееся около резиденции князя. А в новгородском *детинце* (*кремле* – собственно городе), в особом здании заседал совет господ, в который входили *степенные* и *старые* вечевые магистраты – посадские и тысяцкие. Совет господ в Новгородской политике (республиканском городе-государстве) фактически осуществлял верховную власть, от имени веча вступал в *ряды* («договоры») с князьями, решения веча принимались при его определяющем влиянии. Если учесть, что в состав совета господ входили купцы международного масштаба, еще и крупные землевладельцы, то аналогия с античным гражданством кажется убедительной. Однако, как известно, Новгород и другие древнерусские города-государства силой были подчинены Московскому государству, были уничтожены автономия городов и институты вечевого правления.

---

⁴ При Павле I в 1798–1799 гг. в Петербурге и Москве были упразднены городские думы и введена новая организация городского управления – «Комиссия о снабжении резиденции припасами, распорядком квартир и прочих частей, до полиции относящихся», в ее подчинении оказалось городское правление (ратгауз). Александр I в 1801 г. отменил ратгаузы и Манифестом 2 апреля 1801 г. подтвердил Городовое положение и грамоту Екатерины II.

Судьба выражения *степенный гражданин* в определенной мере иллюстрирует эволюцию слова (и феномена) *гражданин* в истории России: от обозначения члена совета господ, осуществляющего «участие в господстве», принятого лишь в малом числе городов-государств Древней Руси, к доминированию значения, выражающего лишь отличие или звание (с предоставлением некоторых привилегий) купца, жалуемого Императором за службу по городским выборам, подконтрольную центральной власти, до его почти полного исчезновения в официальной лексике к XIX в. В выражениях «именитый» и «почетный гражданин» акцент перемещается с существительного на прилагательное, что отражает историческую ситуацию отсутствия политической определенности предмета, обозначенного существительным. Почетное гражданство в XIX в. было, по сути, декоративным институтом, не имеющим действительно политического значения. Даже отношения подданства, установившиеся с образования Московского государства, носили скорее характер частного подданства, нежели подданства как государственного политического института. Подданство как политический институт было введено официально лишь Петром I.

Значения прилагательного *гражданский* содержат тенденцию редукции нескольких значений к одному, заниженному до «житель города». В. И. Даль приводит следующие значения *гражданский*: 1) «относящийся к гражданам, к государственному или народному управлению, к подданству»; 2) «противопологается иногда государственному или правительственному, и тогда значит частный, домашний, общинный»; 3) «противоположно военному и означает штатский, относящийся до службы по управлению»; 4) «противоположно духовному или церковному и означает мирской, обиходный, житейский» [Даль 1998: I, 962]. Политическое (публичное, государственное) содержание в терминах *гражданин* и *гражданский* отсутствует за исключением первого значения, где *гражданский* отождествляется с «подданным» государства, все остальные значения через противопоставление с государственным, военным и церковным отсекают «лишнее», оставляя «сухой остаток»: частный, домашний, общинный, штатский, мирской, обиходный, житейский. Тенденция, которая существовала в абсолютистских европейских государствах, но так и не воплотилась до конца, оставляя, помимо экономической автономии индивидов, еще и острова городского самоуправления, городского права и политическое звучание слова *civis* (и его аналогов – *бюргер* и другие), в России реализовалась до своего крайнего логического конца. Индивид остался в абсолютном

политическом подчинении верховной власти, его жизнь была ограничена исключительно частной сферой.

Смысловая неопределенность понятия *гражданин* усугубляется еще и следующими обстоятельствами: 1) исторической эволюцией слов, обозначающих горожан; 2) наличием региональной фонетической и семантической специфики в соответствующих словах языка. Так, слово *гражданин*, употребляемое в эпоху Киевской Руси и древнерусских городах-государствах XI–XIV вв., вызывает достаточно веские смысловые аналогии с античным гражданином и средневековым европейским бюргером. Видимо, это лишь локальное употребление данного слова, ограниченное масштабами этих городов. Политическая организация этих городов-государств исчезает под натиском имперского принципа формирования Московского государства, резко меняется и соответствующая терминология.

В соответствии с концепцией В. М. Ильина, в структуре отечественной политики со времен Киевской Руси существуют «такие разнородные модели политической организации, как племенной союз (патримониальная, пирамидальная система), полисный анклав и дружинная рамка экзополитиарности, или полк, а также самая передовая для IX в. модель теократии» [Ильин 1999: 72]. В эпоху владычества Орды на месте прежней Руси появились четыре различных геополитических образования, которые к XV–XVI вв. были подчинены Московскому государству. К середине XVII в. завершилось превращение Московского великого княжества в евразийскую державу Алексея Михайловича Романова. Этот процесс Ю. Пивоваровым и А. Фурсовым характеризуется как «Великая Самодержавная революция» [Пивоваров, Фурсов 1998]. Договорные феодальные иерархии были радикально упрощены, остановлено наметившееся формирование сословий, корпораций и слобод, свернуты институты политического представительства (Земские соборы), сложилась система простого подчинения – всеобщего закрепощения сословий в службе и тягле. Все остальные блоки отечественной политической системы к середине XVII в. были подчинены самодержавной власти. Ко времени Петра I эта система обрела такие формы, которые, несмотря на многочисленные модификации, существуют и в настоящее время.

С X по XVII вв. в разных местностях и городах Древней Руси горожан называли по-разному. Это было обусловлено двумя важнейшими факторами культуры: 1) наличием диглоссии церковнославянского и древнерусского языка и переходом ее в двуязычие к XVII в.; 2) существованием региональной лексико-семантической специфики в

языке, порождаемой, в том числе, и особой формой политической организации той или иной местности. В удельные века на территории Древней Руси сосуществовали разные политические системы: удельные княжества, города-государства⁵, Золотая Орда, Православная теократия (Русская митрополия до установления Московского патриархата). Победа политической организации Московского княжества – самодержавного принципа построения государственности, оказала определяющее влияние и на становление единого русского языка. Московский диалект стал основой синтеза различных диалектов Древней Руси и основой русского литературного (национально-государственного) языка. Все это служит объяснением тенденции смешения многих слов, обозначающих горожан, и сужения значений самого слова *гражданин*. Установление Московского государства, союз с ним и последующее подчинение ему Церкви, уничтожение автономии городов – все это факторы, приведшие к консервации, редукции и даже к деградации терминологии, связанной с автономным политическим существованием любого рода субъектов. Самодержец стал единственным политическим субъектом, вследствие этого прежние термины, связанные с какой-то долей автономии, теряли политическое содержание, сохраняя лишь социально-экономическое. В эпоху Московской Руси появляются новые слова, значительно размывающие исходные смыслы слова *гражданин*, это *посадский*, *обыватель*, *мещанин*.

Выражение *посадские люди* восходит к слову *посад*, родственного или заимствованного от древнепольского *posad*, которое в свою очередь представляет собой кальку с латинского *suburbium* («подчиненный городу, подгородской, предградье») [Фасмер 1996: II, 315]. Посадом могли называть: 1) вне города стоящее поселенье, основанное князем и подвластное ему; 2) тяглое торгово-ремесленное население русских городов и населенных пунктов городского типа, составлявшее общину (например, в Великом Новгороде XVI–XVII вв.); 3) сословие посадских людей. Смысловое содержание слова *посад* связано с глаголом *посадити* – «заставить сесть, поселить, укрепить, посадить под стражу...» [Словарь... 1991: 149]. При патриархе Никоне (1615 г.) глагол употреблялся в значении «посадить на оброк». *Посадские люди* – люди, посаженные (подобно семенам в почву) вокруг города, и, уже в социально-политическом и юридическом смысле, – приписанные к посаду и определенной общине в нем. Это слово из лексикона утверждающегося крепостного права. Посадские – это те, кого заставили сесть, сделали

---

⁵ Великий Новгород, Псков, Чернигов, Переяславль, Ростов, Рязань [см.: Фроянов, Дворниченко 1988].

оседлыми, это люди, посаженные на тягло, приписанные к определенному месту несения государственного тягла. Это люди, в отличие от крестьян, дворян и служилых, несшие тягло продуктами торговой или ремесленной деятельности. Именно тягло служит основой для их объединения в податную общину. В. И. Даль упоминает мещан в качестве жителей посада. *Посадские люди, мещане и обыватели* со временем стали взаимозаменяемыми и даже тождественными по смыслу словами.

В структуре древнерусского города посад занимал второстепенное место и располагался в предградьи, вокруг или около *кремля* (крепости, собственно «града», места сосредоточения власти). Пространственное расположение посада было связано с его социально-экономической ролью округа, периферии, обслуживающей центр. Центром самого посада был *торг* (торговая площадь), а состоял он из отдельных *концов*, самоуправляемых районов, позже названных *слободами*. Так было в удельные века в Великом Новгороде, Пскове, Русе, Ладоге, Кареле. Следы «кончанской» организации посада находят и в Киеве, Смоленске и других городах. Значения этих слов исторически менялись, в том числе и выражения *посадские люди*. Если первоначально посадские люди имели прямое отношение к управлению городом, то с централизацией управления в Московском государстве, особенно с XVI–XVII вв., все категории посадских людей, разьединенных по разным «обществам», наделенных чисто хозяйственно-бытовыми полномочиями и фискально-полицейскими обязанностями, становятся исключительно объектом управления со стороны представителей верховной власти.

В. О. Ключевский называет следующие формы русских городов: город-двор, город-село, город-застава и город-посад. В неразвитом виде город-посад возник, возможно, раньше других форм города, но развитие получил позднее их, частично вместив их в себя⁶. Устройство города

---

⁶ «Такой торгово-промышленный город состоял из нескольких соединенных укреплений... Основанием города служило центральное внутреннее укрепление, состоявшее обыкновенно из замкнутой каменной стены; это укрепление носило название *дънешнего града или детинца; дънешний* – внутренний, *дъно* – пол, основание. Такой детинец строился обыкновенно на углу, образуемом слиянием двух рек... Каждый такой внутренний город назывался еще *кромом*...» [Ключевский 1989: 196]. В. Даль рассматривает *кром* как *кремль*, делая замечание, что «в Пскове был и *кромь*, а внутри его *кремль*, за *кромом* же было застенье, *слобода*»; *кром* – внешнее городовое укрепление, в противоположность *детинцу* или *кремлю* [Даль 1998: II, 486]. «Вне *детинца*, заселенного правительственными и военными людьми, располагалось торгово-промышленное население. Это поселение, возникшее за стенами *детинца*, в XII–XIII вв. называлось *местом* (именно в Южной Руси) – слово, родственное с польским словом, означающим город. В Северной Руси это поселение получило название *посада*» [Ключевский 1989: 196-197]. Поясняя этимологию этих слов, Ю.

выглядело следующим образом: «Древнерусский город состоял из трех экономических и административных частей: из кремля, где обитали власти, церковные и мирские; из посада, где обитали торгово-промышленные люди; из слобод, особых городских обществ, из которых каждое жило одним известным занятием. Слободы... походили на цехи... основой экономического быта каждой из них служило одно известное занятие, соединенное или нет с хлебопашеством» [Ключевский 1989: 201]. Общество XIII–XV вв. на Руси состояло из двух разрядов лиц. Высший разряд составляли служилые люди при князе, то есть бояре и слуги вольные, а также невольные, дворские или дворные (позднее дворяне). Низший разряд составляли *черные* люди (в XV в. их называли *земскими*). В составе *черных* людей были и горожане, и сельчане – свободные крестьяне. Выражение *черный человек* в конечном счете означало человека среднего сословия, лично свободного, не стоящего в личной зависимости от человека более высокого социального положения. Происхождение выражения *черная сотня* связано с термином *слобода* и с устройством города-посада. *Черные сотни* – «это разряды, или местные общества, на которые делились низшие торговцы и ремесленники города Москвы. Каждая черная сотня составляла особую местную корпорацию, общество, которое управлялось так же, как общество сельское, то есть выбирало своего старосту или сотника... *Черные слободы*... состояли из торговцев и ремесленников, приписанных ко дворцу и служивших по дворцовому хозяйству. ...каждая из них также составляла особое общество с выборным старостой. Названия, обозначавшие характер повинностей этих слобод, до сих пор уцелели в топографической номенклатуре нашей столицы... Если черные сотни и слободы в отличие от высших разрядов купечества *можно приравнять к нынешнему мещанству*, то каждую из них можно считать цехом» [Ключевский 1989: 126-127]. Следовательно, черные сотни – это особая часть московского мещанства, имевшая отдельный правовой статус («общество»). Этот вид и статус черные сотни сохранили до начала XX в., когда они выступили в качестве жесткого противника революционного движения. Представители черной сотни к началу Первой мировой войны составляли ядро трех «Союзов русского народа», занимавших крайне правую, консервативную, антиреволюционную, антибольшевистскую и антисемитскую позицию. В качестве характеристики *черносотенства* (понятия начала XX в.) В. И. Ленин отмечал «темный мужицкий демократизм» [Ленин 1973: 18].

Степанов пишет: «Др.-рус. *место, посад* связаны с понятием *мещанство*. Др.-рус. *детинец, кром* соответствуют герм. *Vurg* и связаны с понятием бюргерство» [Степанов 2001: 658].

Посадские люди в XVII в. принадлежали к средним слоям общества, несшим некоторые воинские повинности. Главной их повинностью было несение денежного тягла на покрытие военных издержек государства. Статус посадских людей, как и других слоев общества, определялся не объемом их прав, а видом государственных повинностей. Гарантией их исполнения была «крепость» – прикрепление к тяглу, а для обеспечения последнего приписывание к конкретной посадской общине [Платонов 2011: 297]. Это определяет финансовый характер городских податных общин, основной функцией которых была разверстка податей между членами общины и круговая порука в их уплате. К этому и сводилась самостоятельность в управлении общиной. В остальном господствовало приказное управление. Но к XIX в. выражение *посадские люди* исчезает из употребления.

Слово *мещанин* происходит от слова *место*, имеющего старославянские, древнерусские и украинские аналоги польскому *miasto* («город»), которое в свою очередь представляет собой кальку со средневекового немецкого *stat* («место, город»). М. Фасмер пишет, что в России широкое употребление слова *мещанин* получает в начале XVIII в., а происхождением оно обязано польскому *mieszczanin* («горожанин»), которое представляет собой кальку немецкого *burger*. *Мещанский* первоначально означало «городской» [Фасмер: 1996: II, 167]. Через украинскую и белорусскую среду слово попало в русский из польского языка не позже XVI в. Активное распространение слова связано с интервенцией Речи Посполитой в Московское государство в начале XVII в. Но негативное отношение земского ополчения, Русской православной церкви и населения в целом к полякам и католическому Западу могло повлиять на смысловую нагрузку слова. Слово прижилось на русской почве именно вследствие того, что не содержало никакой политической окраски и его значение ограничивалось чертами жителя города или местечка. Позднее им стали обозначать горожанина низшего сословия. Оно соответствовало режиму централизованного и произвольного формирования сословий, свойственного самодержавию вплоть до 1917 г. Это одно из проявлений имперского принципа организации российской политической системы.

Итак, *мещанин* буквально – житель места, или посада. Уже в Московской Руси *мещанами* иногда назывались «черные градские люди», низший разряд городских жителей (мелочные торговцы, ремесленники, поденщики), но более распространенным их названием было *посадские люди*. Затем слово *мещане* вытеснило словосочетание *посадские люди*. В соответствии с манифестом 1775 г. посадские люди были разделены на

купечество и мещан, мещанами названы все городские обыватели, не имевшие права записи в купечество. В «Городовом положении» 1785 г. *мещанами* названы все представители третьего сословия («среднего рода людей»), а название *посадские* сохранено лишь за теми городскими обывателями, которые не принадлежат ни к именитому гражданству, ни к купечеству, ни к цехам. В. И. Даль определяет мещанина как «горожанина низшего разряда, состоящего в подушном окладе и подлежащего солдатству», а мещанство – как состоянье или сословие мещан [Даль 1998: IV, 409]. В Российской империи 1775–1917 гг. мещанами именовали податное сословие, состоящее из ремесленников, мелких торговцев и домовладельцев, которые объединялись в податные общины по месту жительства для распределения государственных податей и наделялись некоторыми правами самоуправления. До 1863 г. мещане по закону за определенные преступления и провинности подвергались телесным наказаниям, были ограничены в свободе передвижения и юридически неполноправны. В 1866 г. мещане Европейской России были освобождены от подушной подати, замененной налогом с недвижимого имущества в городах, посадах и местечках, уравнившим их со слоями населения, имевшими право собственности. Это равенство в налогообложении поставило мещан в положение лиц, имеющих гражданские права и подчиняющихся общему гражданскому праву. В 1904–1906 гг. были сняты другие ограничения для лиц бывших податных сословий. Мещанство каждого города, посада или местечка начала XX в. было объединено в *мещанское общество* и юридически признано субъектом имущественных прав. Среди прав мещанских обществ до 1900 г. было право исключения из них членов, чем-либо опорочивших себя, последствием чего было предоставление исключенных в распоряжение правительства и высылка в Сибирь.

По нормам начала XX в. мещанское состояние приобретает посредством приписки к мещанскому обществу по решению этого общества. Лица, уже принадлежащие к крестьянскому или мещанскому обществу другого города, должны были там «открепиться». Процедура «приписки» сохраняет в правовом статусе мещан черты крепостного права и, в частности, существенные ограничения права свободного передвижения⁷. Правовой статус («гражданское состояние») мещанина передается по наследству.

---

⁷ Сразу же возникают ассоциации с советским («прописка») и нынешним временем («регистрация» – иностранное слово взамен крепостной терминологии при сохранении сути процедуры и ограничения прав).

Это значение слова *мещанин* сохраняется в русских словарях до середины 1930 г. Но появляется второе, переносное его значение – «человек с мелкими, ограниченными, собственническими интересами и узким идейным и общественным кругозором». Последнее подтверждается словами М. Горького: «Театр, обнажая перед зрителем гнуснейшую сущность мещанина, должен возбуждать презрение и отвращение к нему» [Горький 1953: 353]. Эволюция взглядов А. М. Горького на мещанство показательна, она есть отражение процесса нарастания идеологизированных оценок и представлений части общества о мещанстве под влиянием большевистской пропаганды, вследствие общей оппозиции мещанства революционному движению и прямых конфликтов с ним консервативных охранительных союзов, социальную базу которых составляли «черные сотни». Эта эволюция начиналась с нейтрально-бытового описания данного социального слоя в пьесе «Мещане» (1903), затем сменилась двойственным отношением к нему – как консервативной антиреволюционной силе, тормозящей развитие общества, с одной стороны, и как мощного доминирующего слоя, с другой, и, наконец, завершилась резко негативными политическими оценками мещанства. Эти оценки проникли и в советские русско-английские словари, где мещанство переводится как «филистерство» (Philistinism). Филистер же до недавних пор трактовалось как «самодовольный мещанин, невежественный обыватель, отличающийся лицемерным, ханжеским поведением» [Советский... 1989: 1429]. Эта негативная политическая и этическая оценка мещанства резко контрастировала с европейскими представлениями о «третьем сословии», отсюда трудности с переводом названия пьесы А. М. Горького. По-английски оно передается как «Smug Citizens» – «самодовольные, ограниченные, чопорные граждане». До нашего времени слово *мещане* дошло уже почти лишь в переносном значении. Последнее установилось в последние десятилетия XIX в., хотя предпосылки к этому создавались ранее. Произошел обмен значениями между словами *мещанин* и *обыватель*.

У В. И. Даля *обыватель* (от глагола *обывать*, то есть жить оседло, постоянно) обозначает жителя на месте, водворенного, посаженного прочно, владельца места или дома. Это более широкое по объему понятие, включающее сельских и городских обывателей. *Обыватель* – синоним *горожанина, посадского, слобожанина, жителя местечка или пригорода* [Даль 1998: II, 1633].

Законы Российской империи более четко определили соотношение всех этих понятий. В государственном праве Российской империи отношение государства к своим подданным устанавливается посредством

деления всего населения на следующие состояния: дворянство, духовенство, городские обыватели, сельские обыватели, инородцы. Фактически фиксируется особое отношение государства к каждому из состояний, что свидетельствует об отсутствии общего формального юридического отношения государства ко всем категориям подданных. Есть множество исключений, касающихся представителей того или иного состояния, проживающих не в столице или привилегированных городах⁸, а в разного территориального подчинения городах, в центральных губерниях или Сибири, приграничных территориях и т. д. Это изъятия из гражданских и, в особенности, из политических обязанностей и прав подданных. Такая фрагментарность и неуниверсальность государственного права свидетельствует о неравенстве в подданстве. Отсюда возникает потребность государства в армии чиновников, способных урегулировать разные правовые ситуации, и, как следствие, произвол чиновников, связанный с возможностью неоднозначного толкования бесчисленных и противоречивых норм.

В «Законах о состояниях» есть выражения *городские обыватели вообще, городские обыватели в особенности, действительные граждане, почетные граждане, мещане*. Статья 493 «Законов о состояниях» гласит: «Под именем городских обывателей *вообще* понимаются: 1) все те, кои в городе или старожилы, или родились, или поселились; 2) лица, имеющие в городе дома или иное строение, или место, или землю; 3) записанные в гильдии или в цехи; 4) те, которые отправляли службу городскую или записаны в оклад. *Примечание*. Все лица, поименованные в сей (493) статье, хотя причисляются к составу городского общества по собственности их или по жительству, но не считаются действительными гражданами и, обладая собственностью в городе или имея в нем жительство, сохраняют однако особое свое состояние и права, оному присвоенные. Статья 494: Под именем городских обывателей *в особенности* понимаются лица, причисляемые законом к среднему роду людей. В сем смысле к состоянию городских обывателей, под общим названием *граждан*, принадлежат: 1) почетные граждане; 2) гильдейское купечество, местное и иногородное; 3) мещане или посадские; 4) ремесленники или цеховые; 5) рабочие люди» [Законы о состояниях 1895: 155].

Каждого повышения в состоянии человек должен был добиваться у верховной власти личным прошением, пройдя несколько инстанций⁹, получив разрешение ряда чиновников и подконтрольных им «обществ»

---

⁸ Царском Селе, Гатчине, Павловске, Ораненбауме, Петергофе, Стрельне, Кронштадте.

⁹ Казенной палаты, в особых случаях Министерства Финансов и Внутренних Дел, для низших слоев – мещанской или ремесленной управ и проч.

(дворянских, городских, мещанских и пр.). Это касается и состояния почетного гражданства, которое могло быть приобретено по личному ходатайству и при многочисленных ограничениях и особых правилах. В результате длительной процедуры ходатайства звание жаловалось Императором именным указом. Необходимым условием получения звания была политическая благонадежность.

Массовое употребление слов, связанных с историческими названиями горожан, есть череда следующих слов: *гражданин* (1. старец градской, 2. господин (господарь) – церковно-славянское и вечаево, X–XII вв.), *посадские люди* (XIII–XVII вв.), *мещане* (XVI–XX вв.), *обыватели* (XVIII – нач. XX вв.). Смысловое ядро всех этих слов образуется значением «житель города», оно и составляет глубинный, бессознательный пласт ментальности современных россиян. Исторический процесс смены этих слов нельзя назвать линейным. Само слово *гражданин* периодически всплывало в русской истории – в «дворянском» языке, в лексике революционеров-демократов, в советских конституциях, где оно получило статус официального термина. Однако в целом понятие *гражданин* в официальном и бытовом употреблении, в законодательных актах государства не имело политического звучания, не обозначало политического аспекта в отношениях верховной власти и отдельного человека вплоть до начала XX в. Политический аспект отношений государства и индивида несло на себе понятие подданного. Термин *гражданин* имел лишь социально-экономическое значение горожанина, представителя городских слоев общества, одного из разрядов общества, находившегося наряду с другими разрядами в рамках российского общегосударственного подданства. Лишь с начала XIX в. в понятие *гражданин* начинает привноситься политический смысл. Но это не итог процесса концептуализации явлений российской реальности, а результат идейных заимствований европейских понятий и революционного опыта, особенно Великой Французской революции. Одно из направлений заимствований – это линия А. Н. Радищев, декабристы, революционеры-демократы. Это направление отечественной мысли в конце концов привело к пониманию гражданина в рамках советской идеологии.

Понятие гражданина в России XIX в. в той или иной степени употреблялось представителями нескольких течений политико-правовой мысли. Однако в рамках революционно-демократического направления политической мысли оно приобрело особый характер и смысл. Влияние европейского Просвещения и идеологии либерализма на российских революционеров-демократов очевидно. Очевиден и порыв последних к революционному преобразованию российской действительности с помощью ев-

ропейских идей. С этого момента в российском понятии *гражданин*, как и во многих других общественно-политических понятиях, можно зафиксировать отрыв от реальности. В нем закрепляется, с одной стороны, идеал – в его качестве выступает европейский (французский – *citoyen*) гражданин, член нации-государства, а с другой – с оглядкой на не до конца осознанную невозможность реализовать этот идеал на русской почве, акцентируется не значение законопослушного гражданина как субъекта конституционного и гражданского права, а значение гражданина, оппозиционно, радикально революционно настроенного по отношению к правительству и государству, культивируется «революционная сознательность». В этой смысловой наполненности слова *гражданин* – отзвуки веры и личного пути спасения христианских подвижников-аскетов, способных личным подвигом преобразовать (спасти!) мир в космических масштабах.

Однако разрыв между содержанием понятия *гражданин* и отсутствием этого феномена в реальности порождают ситуацию идеологизации, желаемое, идеал гражданина, революционеры стремились утвердить вопреки действительности, вопреки даже тому социальному слою, который должен составлять социальную базу гражданского общества и правового государства – «среднему роду людей», мещанам, обывателям. В этом истоки и будущей советской ситуации расхождения норм официальной идеологии, утверждающей «равенство граждан», и реальности – полного бесправия рядового населения. С употребления слова *гражданин* декабристами и революционерами-демократами начинается процесс, приведший в конечном итоге к подмене понятий, к параллельности миров номинального и реального гражданства. На русское слово *гражданин*, обозначавшее социально-экономический разряд населения, не имевшего юридически строгой и полной фиксации прав и обязанностей, не обладавшего даже полнотой гражданских прав, фактически не имевшего публично-политического статуса (при слабости городского самоуправления), было наложено понятие гражданина, содержание которого представляло смесь европейских и отечественных либеральных, революционно-демократических, марксистских и большевистских идей.

Все варианты официального и повседневного употребления слова *гражданин* и его синонимов свидетельствуют об исторической тенденции сдерживания развития его политического аспекта. История России до XIX в. в этом отношении распадается на два принципиально различающихся периода, водоразделом которых является окончательное утверждение Московского государства (XV–XVI вв.). На протяжении первого периода слово *гражданин* употреблялось в нескольких значениях, наряду с другими включая политический, точнее, протополитический

смысл: гражданином в Новгороде, Киеве и ряде других городов именовался человек, участвующий, по крайней мере, в непосредственном осуществлении власти, в вече. Для второго периода характерно резкое изменение содержания слова: в нем доминирует тенденция смысловой редукции до значения одного из разрядов городских обывателей.

Период после Февральской революции 1917 г. до октябрьского переворота, когда Временное правительство провозгласило учреждение Российской республики и равного для всего населения гражданства, был слишком короток. Декларации не успели воплотиться в полноценные политические и государственные институты, и в последующем массовое сознание – не без старания большевиков – утратило саму память о тех исторических событиях и упущенных возможностях.

В советские времена употребление слова *гражданин* было двойственным – существовало формальное и неформальное, парадное и рутинное, декларативное и реальное его употребление. Произошла подмена реальности идеологией, слово *гражданин* официально и повсеместно употреблялось, но в особых контекстах. Да, было «Я – гражданин Советского Союза!» В. Маяковского. Однако поэт восхищался заграничным паспортом СССР¹⁰. Пафос по поводу советского гражданства был составной частью идеологического мифа, навязываемого официальной пропагандой. Реальность все же давала о себе знать: недаром слово *гражданин* вне торжественных мероприятий (съездов, собраний, школьных линеек, актов государственной регистрации гражданского состояния) приобрело уголовно-карающий смысл. Гражданином именовали человека, который должен ответить за существующие или приписываемые проступки перед государством. Слово *гражданин* не несло объединяющего смысла, не было знаком причастности к кругу равных, как, например, «товарищ».

Собственной отечественной концептуализации данного понятия как понятия политического, выражающего политическую субъектность горожанина, хотя бы в масштабах политической организации города, не произошло. Слово *гражданин* является многослойным и до конца не определенным концептом русской культуры. Бессознательный слой данного концепта составляют следующие пласты. Исходный, самый

---

¹⁰ Кстати сказать, союзное гражданство юридически существовало исключительно за пределами СССР, внутри страны оно было юридической фикцией, поскольку существовало гражданство республик в составе союза, и союзное гражданство в таком случае являлось надгражданством. Впрочем, и внутреннее, республиканское гражданство фактически гражданством в европейском смысле не являлось.

глубокий пласт возник в период Киевской Руси и Новгорода (до XV в.). В нем заключено некое синкретическое содержание – единство следующих аспектов: 1) связь гражданина и города, зафиксированная во внешней и внутренней форме слова; 2) религиозного; 3) военного («участие в обороне города»); 4) экономического; 5) социального (представитель высшего купечества); 6) политического (участие в вече и совете господ). Это недифференцированное единство, связанное с заимствованием значений из греческого языка, и потому остается актуальным анализ его адекватности древнерусскому явлению. Эти аспекты здесь – лишь неразвитые зачатки и явления, и слова, обозначающего его.

Второй пласт образуют значения данного слова и синонимичных ему слов *посадский человек, мещанин, обыватель*, употребляемых в период Московской Руси и Петербургской империи. Наметившаяся было дифференциация исходных аспектов концепта в качестве самостоятельных понятий в полном смысле не произошла. Процесс дифференциации был вытеснен процессом редукции первоначального многообразия значений к одному единственному – «горожанин, представитель одного из разрядов городских жителей, принадлежащих к подданным империи». Причиной данной редукции является процесс политической организации общества по имперскому принципу. Это результат сознательной социально-экономической и политической оценки данного слоя самодержавной властью, и ее действий в соответствии с собственной волей и этой оценкой. Употребление понятия «гражданин» представителями русского либерализма не оказало существенного влияния на смысловую наполненность данного понятия для основной массы населения.

Одновременно шел процесс появления новых смысловых оттенков данного слова. Он связан с терминологией и идеями революционеров-демократов. Эта линия концептуализации привела к образованию третьего пласта концепта – «советский гражданин». Смысловое поле данного концепта в этот период распределяется между двумя полюсами: 1) как мифологема советской идеологии слово стало заключать в себе значение «гражданин СССР – активный, сознательный строитель социализма и коммунизма», «проводник линии ВКПб – КПСС»; 2) как термин уголовного права, доминирующего в системе права советского государства, *гражданин* почти слилось с «преступником», или, во всяком случае «лицом, подконтрольным государству, тем, кому положено держать перед государством ответ». В среднем же, общем употреблении к эпохе «застоя» термин *гражданин* приобрел нейтральный, размытый

смысл, традиционный для русской истории – «жителя, лица, принадлежащего государству».

Сознательный актуальный слой понятия *гражданин* до недавних пор составляли значения данного термина, представленные в Конституции РФ (1993), современных российских законах, словарях и учебниках. Однако эти значения не стали в России доминантой коллективных представлений о гражданине, достоянием массового сознания. Доминирующий смысл слова не изменился коренным образом за годы «перестройки». Значение гражданина как субъекта конституционных прав и обязанностей – политических, гражданских и социальных – не приобретает за последние десятилетия устойчивости, аналогичной европейской. Гражданин как концепт европейской культуры – это автономный субъект города, гражданского общества, нации, государства, права, цивилизации. Все аспекты концепта взаимно уравнивают и дополняют друг друга, создавая смысловое пространство целостного феномена. Наличие каждого из них – необходимость, выработанная бесчисленными практическими и теоретическими поисками, политической практикой и опытом европейской истории. В России все эти линии концептуализации понятия размыты, не доведены до конца. Собственный концепт обладает рыхлостью, фрагментарностью, незрелостью. В 1990-е годы на фоне энтузиазма общественно-политических преобразований этот концепт был обогащен европейским образцом. Веря в возможность серьезной политической модернизации, развития демократии, гражданского общества и правового государства в России, реформаторы учредили ряд политических институтов, призванных реализовать права и обязанности гражданина – разделение властей, федерализм, конституционность, парламент и другие. Однако уже начиная с 1993 г. постепенно приходило осознание невозможности быстрого достижения идеалов и необходимости исследования факторов, осложняющих модернизационные процессы в России. Новые знания о гражданине и нормах его взаимодействия с государством оказались новой утопией, в которой вместо отечественного варианта марксизма был представлен отечественный вариант либерализма, заключающий в себе идеализированное европейское содержание, очищенное от европейской истории данного концепта.

Практика свидетельствует о том, что всегда существует разрыв между понятием и явлением, формальной и содержательной их сторонами. Но именно исторический контекст определяет глубину этого разрыва и возможности его преодоления. Одной из причин того, что на российской почве разрыв между формальным, декларативным содержанием концепта «гражданин» и его реальным практическим

наполнением не сокращался, является то, что понятие гражданина, как и многие другие понятия, пройдя этап калькирования европейских слов, не достигло этапа практического освоения всех тех объективных политических институтов и механизмов, которые призваны трансформировать слова в реальность. Необходимо исследовать факторы, препятствующие развитию политической модернизации в России. У большинства населения к концу 1990-х годов на фоне отсутствия видимых материальных результатов реформ возникла апатия, разочарование в идеалах демократии и возврат к ощущению ничего не значащей роли гражданина в политике. Идеалы вновь обернулись утопией.

Анализ политической практики и официального дискурса 2000-х и 2010-х гг. показывает, что в последнее время руководство страны отказывается даже от деклараций о демократии и политической модернизации. Однако и риторику в духе консерватизма трудно считать долговременной политической стратегией, поскольку это более похоже на имитацию идеологии, ведь возврат к традиционным ценностям маловероятен в XXI в. В реальной политической практике невозможно выявить каких-то направлений, помимо политики сохранения и приумножения власти и ресурсов верхушкой элиты, а также недопущения формирования даже потенциальных субъектов политики и хотя бы минимальной общественной самоорганизации. Все остальные меры государственной политики в отношении проблем общества носят характер постоянно запаздывающего реагирования и экономии на социальных программах, здравоохранении, образовании, культуре. Население вернуло к советским идеологемам. На короткий период часть населения обрадовалась этому, другая часть сделала вид, что верит. Надолго ли? После взрыва псевдопатриотизма и псевдогражданственности (по поводу присоединения Крыма), после разбуженных официальной пропагандой и возведенных к высокой ненависти и агрессии потребностей ощущать себя гражданином Великой державы, к населению медленно приходит отрезвление. Веры в серьезную политическую роль гражданина даже пропаганда не способна вселить, поскольку реальность абсолютно другая. Однако любовь к Родине и культ лидера – не одно и то же. Отождествление государства с элитой и лидером не может вывести страну из кризисов и не может стать долговременной стратегией, поскольку парализует инициативу и самостоятельность рядовых граждан, их веру в потенциал объединения усилий ради решения проблем «общего блага».

Бессознательный слой ментальности – понимание гражданина как любого жителя, сельского ли, городского ли, принадлежащего государству, вновь выступает в качестве константы русской культуры,

мотивирующей стереотипное поведение людей. В историческом слое этого концепта – бессознательные представления, ментальность прошлых поколений. Этот слой является константой русской культуры, основой мотивации, проявляющейся в устойчивых стереотипах деятельности современного индивида в России. Эти духовные стереотипы – отношение к государству как надличностной силе и неостребованность конституционных прав со стороны гражданина. Но есть еще и неотрефлексированное самоощущение в качестве «простого советского человека» – обывателя.

Фигура постсоветского обывателя, самого массового социального слоя в нынешней России, требует особого внимания. В социальном положении и политико-правовой культуре, сознании, ментальности постсоветского обывателя присутствует двойственность. Он обладает неким «русским комплексом» (А. Колесников), комплексом превосходства и неполноценности одновременно. Оба полюса этого комплекса порождают опасные тенденции, которые необходимо четко осознавать: ксенофобию, национализм, психологию нетерпимости. Черты политического и правового сознания большинства россиян хорошо известны: патернализм, этатизм, иждивенчество, уравнилельная психология, правовой нигилизм, сочетание представлений о том, что совесть и правда выше закона, с представлением о том, что выше закона и права в России сила и власть. Такая ментальность является благодатной почвой для коррупции и преступности, поскольку обыватель в массе своей не верит в эффективность законопослушного и лояльного поведения, а предпочитает неформальные (теневые, силовые) способы в решении своих проблем. Недоверие к властям почти всех уровней и ветвей сочетается в политическом сознании массового индивида с остатками веры в сакральную природу власти. Обыватель – это весьма неустойчивая фигура, обладающая манипулируемым сознанием.

Можно ли идентифицировать такого обывателя с гражданином? Способен ли обыватель обрести собственное достоинство, адекватную самооценку, избавиться от комплексов, обрести персональную ответственность за личную судьбу? Возможна ли реабилитация обывателя в нашей культуре, поскольку без этого он останется мещанином и филистером, ограниченным, консервативным типом, способным привести к власти отнюдь не умеренных националистов? Однако к культурной реабилитации частной жизни обывателя хорошо бы добавить культуру его публичной, политической жизни. Но это, похоже, из области фантастики...